Жены думают, что их мужья уходят в гараж ремонтировать машины, но это не так. Они собираются там, чтобы под рюмку водки вести нескончаемые беседы. Причем, предложи им выпивать и беседовать дома, без помех со стороны жены – они с негодованием откажутся. В гараже хоть и нет хорошей закуски и приходится стоять на ногах, но дух братства владельцев своих машин, ласково называемых ласточками, дает особую атмосферу единства. Гараж является вроде клуба по интересам.

Иногда подходят знакомые и присоединяются к компании со своей бутылкой водки, но и без нее их не прогонят. Здесь, как и на даче, не существует образовательного ценза. В одной компании могут находиться рабочие и инженеры, а тем для беседы бывает достаточно и без бинома Ньютона или сопромата.

Наша компания состоит из двух шоферов, заводского мастера, начальника отдела строительного управления и заместителя директора хлебозавода. А вот организатором

компании обычно был заместитель директора по имени Иван Тимофеевич. Стоило ему появиться, как около его гаража собиралась группа, и он первый предлагал «накрыть поляну». В данной ситуации, выражение «накрыть стол» не подходит за неимением оного, а вот «накрыть поляну» на крышке багажника – в самый раз.

В коллективизацию родители Ивана Тимофеевича были репрессированы и он еще маленьким жил на конюшне, а спал даже зимой вместе с лошадьми, укрывшись в кормушке сеном. Что удивительно, но для него имя Сталина священно и не смей осуждать его за репрессии. Неправы основоположники коммунизма – бытие не определяет сознание.

Два шофера из автобазы были большие друзья, и друг без друга не поднимали стакан, пока второй не подойдет. Один из них, Владимир Иванович, работал в «пьяной колонне», то есть в автобазе, развозящей по точкам пиво. Сами понимаете, что пенного напитка у него в погребе всегда хватало, и в летнюю жару не было проблемы глотнуть холодного пивка. Второй – Миша Асеев работал на грузовике на Пиввинкомбинате и недостатка в водке не испытывал. Он был полностью аполитичен, и для него важнее «абы гроши, да харчи хороши» и еще бутылка водки – теперь можно жить, а читать или политику обсуждать не его занятие. У него всегда хватало знакомых работников комбината, желающих вывезти бутылки с зеленым змием, а он это делал фифти-фифти, потому-то в погребе всегда хранился достаточный запас спиртного.

Владимир Иванович тоже не читал, но образ Ленина для него был свят, а потому критика вождя революции демократами для него – кощунство. Откуда ему знать, что лучший друг детей и природы во время половодья расстреливал зайцев десятками. Из воспоминаний Крупской: «Владимир Ильич весной отправился на острова Енисея и настрелял столько

зайцев, что еле приплыл на лодке – вода была почти вровень с бортами». Это дед Мазай по доброте душевной и любви к природе спасал зайцев от воды. В беседах мы особо не заморачивали головы политикой, но иногда на нас накатывало такое желание. В подпитии мы все лорды Керзоны и знаем, как решить любую государственную проблему.

Каждый из нас приносил бутылку водки и нехитрую закуску, а иногда и пиво, только последнее редко – в советское время с ним была проблема.

Когда заканчивалось спиртное, принесенное из магазина, то Миша доставал из погреба бутылку и не одну, а столько, пока не говорили, чтобы хватило на сегодня. Пить до поросячьего визга мы себе не позволяли – завтра на работу.

Михаил Иванович, мастер с железобетонного завода, никогда без своей бутылки в компанию не подходил, да еще у него была постоянно закуска с дачи: зеленый лук, огурцы и помидоры. В прошлом, выложивший партбилет на стол парторгу, он остался ярым сторонником коммунистов и ходил на все публичные мероприятия, проводимые городской парторганизацией компартии, хотя не был ее членом. У него была одна особенность – читал только газеты и то, что издавалось коммунистической партией. И потому – все, что писалось в них, для него непреложная истина. По его утверждению, в советское время был «золотой век» России. А так – верный товарищ, готовый всегда прийти на помощь.

Последним в компании был Петрович – начальник отдела в строительном управлении, умеющий разливать водку с большой точностью, не глядя в стаканы. Если он задерживался, то в компании говорили:

– Опять некому разливать! И что же теперь идти домой, не выпивши?

Его часто спрашивали:

– Как ты можешь даже в темноте разливать так точно?

– А вы разве не помните фильм с Никулиным, где он говорил, что каждый дурак знает: в бутылке двадцать семь буль-буль! А я разливаю по счету – раз, два, три.

Петрович любил посидеть за нескончаемой беседой с владельцами автомашин, но по начитанности был явно не их круга. Если остальные члены гаражного кооператива не читали вообще, то он не расставался с книгой – у него в бардачке машины лежала какая-нибудь книжка, и он не оставит случая взять ее в руки в свободное время.

После первого стакана водки у начальника строительного отдела начиналась беседа с Михаилом Ивановичем, переходящая в жаркий спор двух антагонистов, готовых схватиться за грудки: что лучше – власть коммунистов или демократов, именуемых между нами дерьмократами. Петрович утверждал, что в принципе нет справедливой власти, а коммунисты из-за своей идеи уничтожили столько людей, что хватит на каждого из них по невинно убиенной душе. В сталинские времена уничтожили более восьмисот тысяч человек, и это по самым скромным подсчетам самих коммунистов. А сколько миллионов прошло через лагеря? Кто первым устроил концлагеря на Тамбовщине во время крестьянского бунта? Без всенародной поддержки никакие кулаки не продержались бы и недели. Кто первым в мире применил ядовитый газ против своего же народа? В Китае Мао уничтожил двадцать пять миллионов человек и тоже в ожидании всеобщего коммунистического счастья на земле. А если говорить аргументировано, то все компартии мира отметились репрессиями.

– А что, разве демократы не расстреливают людей? Каждый день видишь по телевизору убийства, – высказал свое мнение Иван Тимофеевич.

– Нет того преступления, на которое не пойдет обладатель большого капитала, когда светит большая выгода. А потому вся власть принадлежит узкому кругу лиц и для них, – парировал в споре Петрович.

Петрович еще любил собирать грибы и ловить рыбу и часто доставал из погреба банку с груздями или соленого судака. Он рассказывал, что лучшего компаньона в поездке за грибами, чем Михаил Иванович, у него не было. Не имело значения, находили они грибы или возвращались пустыми, что бывало редко, но все равно оставались довольны вечерней беседой у костра со стопкой водки или кружкой чая.

Иногда к их компании присоединялись случайные люди, чаще всего это были знакомые Владимира Ивановича. Он часто напивался до «низложения риз» и, несмотря на его вес, переходящий за сто килограммов, нам приходилось тащить дружка буквально на себе. При этом его жена-Тасюнька обвиняла нас в неумеренности пить. Владимир Иванович любил «отлакировать» распитую водку пивом, и потому-то он быстро пьянел и самостоятельно идти домой уже не мог. А вот его друг Миша знал меру и всегда добирался домой своими ногами.

Однажды Владимир Иванович привел в компанию мужика. С первого взгляда стало понятно, что он сидел в лагере. Руки его, насколько видно, были в наколках, и вел он себя как-то суетливо. По-видимому, в лагерной иерархии он шестерка. Взгляд же у него бегающий и не останавливался долго на одном месте. Гость похожий на мышь, и ел тоже, как грызун – часто двигал челюстями, при этом жевал передними зубами из белого металла, а коренных зубов-то не было.

Бывший зэк быстро захмелел и стал жаловаться на судьбу-злодейку, сотворившую с ним злую шутку. У него обнаружили аденому простаты и положили в больницу для биопсии, то

есть для обследования на онкологию. Чуть не плача, он стал говорить:

– Эх, мужики, если узнает братва, то сидеть не у параши, и никто не пустит меня за стол! Для правильных пацанов даже пожать мне руку становится западло, а если кто и пожмет ее, сам станет опущенным!

– Ну почему ты должен сидеть у параши? – спросил Михаил Иванович.

– Опущенных никто не пустит за стол и не подаст руки.

– Что такое опущенный? – теперь уже спросил Иван Тимофеевич.

– Опускают чаще всего за крысятничество или связь с администрацией колонии. При этом не обязательно тебя изнасилуют, достаточно коснуться задницы, и ты – опущенный!

– А причем тут ты?

– Так ко мне же в зад залазили пальцами и там что-то прощупывали! При этом всю процедуру с обследованием и отбор ткани делала молодая красивая баба. Эх, жизнь-копейка!

Мы почти не вели разговоры о женщинах, видимо, потому, что возраст у всех был далеко за пятьдесят или близко к тому, и острый интерес к прекрасному полу уже несколько снизился.

Как-то раз Владимир Иванович высказался:

– Все, мужики, пробежала жизнь, и не заметил как!

– Как так пробежала? Чего так рано хоронишь себя? – спросил Петрович.

– А помнишь, как было в двадцать лет? Скажет молодка, что ждет тебя вечером, так за двадцать километров пешком сбегаешь! А сейчас – лежит жена рядом, посмотришь на нее и подумаешь, ну и лежи, я тебе мешать не буду, только и ты не трогай меня.

– Мужики, черт возьми, а он прав! – воскликнул Миша.

Так мирно беседовали мы у крышки багажника с нехитрой закуской, зато с обилием выпивки. Мало ли каких историй наслушаешься! А таких компаний много в каждом гаражном кооперативе.